

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СУБГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ФЕДЕРАЛИЗМА (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ КОМИ И ВЕНГРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг.)

С.П. Артеев

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

Статья посвящена динамике международных связей субгосударственных акторов мировой политики в контексте эволюции федеративных отношений. В работе рассматривается этнорегиональный аспект взаимодействия Российской Федерации и Венгерской Республики в первой половине 1990-х гг. Под этнорегиональным аспектом подразумеваются связи между субъектами РФ, прежде всего, финно-угорскими, и Венгрией, а также её областями. Основное внимание уделено взаимодействию Венгрии и Республики Коми. Для раскрытия темы привлечена обширная информационная база, включающая многочисленные материалы из Архива внешней политики РФ, публикации в венгерской и российской периодической печати, а также междисциплинарную литературу в области международных отношений, истории, права, социологии и политологии. В качестве теоретико-методологического инструментария в работе применяется исторический институционализм вкупе с общенаучными (классификация, терминологический), политологическими (моделирование) и историческими (историко-системный, историко-генетический) методами исследования. В статье представлен анализ этнорегионального аспекта российско-венгерских отношений. Обосновывается эволюция позиции федерального центра по вопросу о международных связях российских регионов (на примере Республики Коми) с зарубежными государствами (на примере Венгрии). Упор делается на анализе специфики асимметричного взаимодействия по линии «субгосударственный актор – зарубежное государство». С целью раскрытия темы предварительно рассматривается модель российского федерализма обо-

УДК 327, 342.1

Поступила в редакцию 10.02.2018 г.

Принята к публикации 30.03.2018 г.

значенного периода, предлагается классификация субъектов РФ применительно к их внешним связям, указываются возможные варианты дефиниций ключевых терминологических понятий по международной деятельности российских регионов и делается краткий обзор установления российско-венгерских отношений на новых основаниях в позднесоветский и ранний постсоветский периоды. При этом необходимо отметить, что модель взаимодействия Коми и Венгрии является типичной по многим базовым параметрам для международной деятельности российских регионов в указанные хронологические рамки. В заключение делается вывод о партнёрской позиции федерального центра и, прежде всего, МИД России, относительно международной деятельности российских регионов в первой половине 1990-х гг., в целом, и благожелательной позиции относительно взаимодействия Коми и Венгрии, в частности. По мнению автора, асимметричные международные связи субнациональных акторов в период демократического транзита и ослабления центра тем не менее способны при определённых обстоятельствах сыграть позитивную роль.

Ключевые слова: международные связи регионов государств, Россия, Венгрия, Коми, федерализм, МИД России, исторический институционализм

В эпоху глобализации международные отношения претерпевают мощные быстрые трансформации. Помимо прочего, это проявляется и в значительном изменении качественного и количественного состава акторов международных отношений. Среди новых участников мировой политики особое положение занимают так называемые субгосударственные/субнациональные игроки, то есть внутренние регионы/субъекты государств. Изучение роли нетрадиционных акторов является неотъемлемой частью современных мирополитических исследований. В то же время проблематика взаимодействия асимметричных акторов, особенно по линии «государственный актор – субгосударственный актор», заслуживает большего внимания со стороны академического сообщества, так как субнациональные акторы оказывают всё более возрастающее влияние на эволюцию Вестфальской модели мира в текущий период. *Несмотря на исторически обусловленную высокую степень централизации системы управления международной деятельностью в России, в первой половине 1990-х гг. произошла быстрая эволюция позиции центра от патернализма к партнёрским отношениям с регионами в международной сфере, поскольку непростые внешнеполитические условия и тяжёлые внутренние социально-экономические обстоятельства вынуждали искать новые эффективные пути решения задач, стоящих перед страной и её составными частями.* В данной статье представлен анализ этнорегионального аспекта российско-венгерских отношений и обосновывается эволюция позиции Федерального центра (далее – ФЦ) на международное взаимодействие российских регионов (на примере Республики Коми, далее – РК) с зарубежными государствами (на примере Венгерской Ре-

спублики, далее – ВР). С целью раскрытия темы предварительно рассматривается модель российского федерализма обозначенного периода, предлагается классификация субъектов РФ применительно к их внешним связям, указываются возможные варианты дефиниций ключевых терминологических понятий по международной деятельности российских регионов и делается краткий обзор установления российско-венгерских отношений на новых основаниях.

К работе привлечены различные источники и междисциплинарная литература. Основу источниковой базы составляют информационные и информационно-аналитические документы из Архива внешней политики РФ, хранящиеся в фонде референтуры по Венгрии¹. Многие документы впервые вводятся в научный оборот. Кроме того, привлечены опубликованные и неопубликованные международные нормативно-правовые акты Республики Коми². Помимо этого, задействованные публикации в прессе Венгрии и РК позволяют полнее реконструировать картину событий³. Научные работы представлены трудами специалистов из различных областей гуманитарного знания: политология, история, право. Изучение международных субгосударственных связей на Западе имеет длительную традицию и началось практически одновременно с выходом внутригосударственных регионов на мирополитическую сцену. При этом ведущую роль играли политологи и правоведы из государств, чьи регионы как раз стремились к активизации своей международной деятельности. Важно отметить, что исследование поведения субнациональных акторов тесно сопряжено с проблематикой политической регионалистики и вопросами федерально-регионального взаимодействия [19; 20; 21; 23; 24; 26; 29]. Российское научное сообщество подключилось к процессам изучения международной деятельности регионов государств в 1990-е гг., при этом центры изучения внешних связей регионов располагаются как в столицах [1; 2; 3; 4; 6; 10; 18], так и в регионах⁴ [7; 8; 9; 11; 15; 16]. Необходимо отметить, что российские исследователи проделали большую работу по анализу институциональных основ международных связей субъектов РФ и изучению механизмов федерально-регионального взаимодействия в контексте международной деятельности регионов. В то же время слабоизученным остаётся опыт ведения международных дел многими российскими

¹ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 77.

² Соглашение между Министерством культуры, Министерством образования Республики Коми и Министерством культуры и образования Венгерской Республики о сотрудничестве в области культуры и образования. Сыктывкар, 23 июня 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Коми. 1993. № 3. С. 40-43; Соглашение между Правительством Коми Советской Социалистической Республики и Правительством Венгерской Республики о торгово-экономических связях и научно-техническом сотрудничестве. Будапешт, 06 декабря 1991 г. // Национальный архив Республики Коми. Ф.Р-2385. Оп. 1. Д. 5. На 8 л.

³ A komi kapcsolat // Magyar Nemzet. 1991. December 7. 9 old.; A Komi Köztársaság és a finnugor népek mozgalmá // Magyar Hírlap. 1993. Junius 24. 1, 3 old.; Göncz Árpád a Komi Köztársaságban // Magyar Hírlap. 1993. Junius 23. 3 old.; Göncz Árpád a Komi Köztársaságban // Nemzet. 1993. Junius 23. 3 old.; Кармановский В. Мы нужны друг другу // Красное знамя. 1991. 25 декабря. С. 1.

⁴ Внешние связи российских регионов: Материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «10 лет внешней политики России», 20-21 апреля 2001 г., Москва. Секция № 9. Внешние связи российских регионов / отв. ред. И.М. Бусыгина. М.: МГИМО(У) МИД России, 2001. 124 с.

регионами в исторической ретроспективе в контексте внешнеполитического курса ФЦ, без чего невозможно создать адекватное представление о моделях поведения субъектов РФ на международной арене. Отсутствие широкого спектра моделей в свою очередь затрудняет стратегическое планирование, приводит к упущенным возможностям и повышает риск неудачи для конкретного российского региона в сфере международных связей. Научная значимость рассмотрения сотрудничества Коми и Венгрии в указанные хронологические рамки связана с расширением представления о демократическом транзите за счёт фокусировки на международном измерении данного явления через призму субъектов федерации. Таким образом, информационная база работы создаёт предпосылки для раскрытия темы исследования с использованием определённой теоретико-методологической составляющей.

В качестве теоретико-методологических основ в статье применяется междисциплинарная методология на основе комбинирования общенаучных (терминологический, классификации), политологических (моделирование) исторических (историко-системный, историко-генетический) методов исследования. При этом интегрирующую функцию выполняет исторический институционализм, который уже давно зарекомендовал себя в качестве эффективного инструмента для полидисциплинарного синтеза [22; 25; 27; 28]. Как теоретико-исследовательский подход, исторический институционализм позволяет провести исследование на приемлемом уровне и выйти на валидные результаты.

Важно отметить, что федерализм является одним из ключевых понятий, которое следует учитывать при анализе политической ситуации России в 1990-е гг. В политико-правовом плане именно от реализованной модели федерализма во многом зависит способность/неспособность субъектов федеративного государства осуществлять международную деятельность. В связи с этим необходимо дать краткую характеристику российского федерализма в первое постсоветское десятилетие. В силу многоаспектности понятия «федерализм» представляется необходимым обозначить его дефиницию. В этой статье федерализм понимается как политический принцип, суть которого заключается в разделённом правлении и партнёрских отношениях между центром и регионами [17]. Исходя из этого формируются определённые правовые критерии федеративного устройства:

1. одна и та же территория и население одновременно находятся под юрисдикцией двух уровней власти;
2. каждый уровень власти обладает собственной компетенцией;
3. ни один из уровней власти не имеет права упразднить другой;
4. на федеральном уровне в обязательном порядке обеспечивается представительство региональных интересов;
5. предусмотрен институт медиации для разрешения споров между федеральными и региональными властями [17].

Наряду с правовыми компонентами, следует учитывать и политические критерии федеративного государственного устройства:

1. разрешение конфликтов между уровнями власти происходит в публичной сфере, а не административным способом;
2. формально не связанным, но практически всегда присутствующим спутником реальной федерации является демократический политический режим;
3. общество является главным «заказчиком» федералистского проекта и проявляет свою глубокую заинтересованность в его успешной реализации и функционировании.

Большую часть своей истории Советский Союз являлся федеративным государством лишь номинально и резкое изменение такой ситуации не могло быть безболезненным. Ситуация стала стремительно меняться в 1989-1991 гг. В этот период не только союзные республики, но и автономии РСФСР получили значительные полномочия. Однако результаты были неоднозначными. С одной стороны, многие вопросы стали решаться быстрее в силу упразднения ряда бюрократических цепочек. С другой стороны, центробежные тенденции стали трендом во взаимодействии с центром со стороны как союзных, так и автономных республик и других национально-территориальных и административно-территориальных субъектов РСФСР. Следовательно, федерализм способен работать при двух обязательных компонентах – наличия нормативно-правовой базы и соответствующей постоянной практики во взаимодействии между центром и регионами.

В 1990-е гг. в России происходили драматические изменения во всех ключевых сферах, в том числе в полную силу смогла развиваться модель взаимоотношений между центром и субъектами федерации, черты которой стали формироваться еще в 1989-1991 гг. Такую модель федерализма можно обозначить как систему разделённого/двойного суверенитета. И конечно, это не могло не проявиться во внешних связях регионов РФ. Хотя некоторые юристы-международники отстаивают постулат о невозможности деления суверенитета в рамках одного государства [12, с. 59; 64; 68; 70], на практике это случается. Многочисленные примеры можно найти как в истории, так и на современной политической карте мира. Система разделённого/двойного суверенитета была связана с тем очевидным обстоятельством, что федеративный центр не имел реальной возможности контролировать ряд процессов в регионах, явно не подпадающих под принцип субсидиарности. Это вынуждало его идти на различные сделки с региональными элитами, если только последние не предпринимали открытых военных мер с целью сепаратизма. Наличие регионального уровня суверенитета способствовало международной активности субъектов РФ, так как суверенитет по природе своей обращен «наружу», «относительного внешнего». Следовательно, модель российского федерализма в первое постсоветское десятилетие хотя и содержала в себе избыточный центробежный потенциал, но также способствовала активному развитию международных связей российских регионов. Кроме того, центр рассчитывал, что благодаря активным внешнеэкономическим связям регионы РФ смогут самостоятельно решить свои многочисленные социально-экономические проблемы.

Наряду с федерализмом, понятия «федеральный центр» и «регионы» также нуждаются в пояснении. Под «федеральным центром/центром/ФЦ» в контексте темы понимается деятельность органов власти федерального уровня так или иначе связанная с международной деятельностью субъектов РФ. В число таких федеральных органов входят президент России вместе с его Администрацией, Правительство, МИД и другие министерства и ведомства, обе палаты Федерального Собрания, а также суды высшей инстанции (Конституционный суд, Верховный суд, Высший Арбитражный суд). Иначе говоря, позицию федерального центра формируют решения и действия исполнительных, законодательных, судебных органов власти и институт президентства (который занимает особое место и не может быть однозначно отнесён ни к одной из ветвей власти). «Регион» и «субъект РФ», наряду с «субгосударственным/субнациональным актором», в данной статье рассматриваются как взаимозаменяемые понятия, то есть территориальная единица верхнего уровня (республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа). При этом отличается качественный состав непосредственных участников международной деятельности региона/субъекта РФ. Наряду с губернаторами и их администрациями и правительствами (исполнительные органы власти регионального уровня), а также парламентами субъектов РФ (законодательная власть) и в редких случаях судебными органами, значимую роль играют частные лица и организации. При этом организации могут быть государственными (театры, музеи, библиотеки), частными (коммерческой и некоммерческой направленности). Кроме того, муниципальный уровень международных связей также органически входит в состав субгосударственного/субнационального уровня.

Исторически Россия является асимметричным государством и проблема «Центр – периферия» не теряет свою актуальность на протяжении многих столетий. Именно для сохранения единства страны и понадобилось реализовать проект федералистского государственного устройства. В связи с этим неудивительно, что и регионы сильно различаются между собой не только в природно-климатическом, но и в социально-экономическом аспекте. Последнее, в свою очередь, влияет и на международную деятельность субгосударственных акторов. Субъекты РФ можно классифицировать следующим образом:

1. экстраверты (центральные, приморские, пограничные, экспортоориентированные);
2. интраверты (не пограничные, не имеющие выхода к морю, обладающие слабым экспортным потенциалом);
3. амбиверты (сочетают черты экстравертов и интравертов в различных пропорциях).

При этом особо следует отметить, что регионы-экстраверты и регионы-интраверты в «чистом виде» встречаются крайне редко. Значительная часть субъектов РФ как раз относится к «серой зоне» амбивертов. Именно они способны при благоприятных обстоятельствах стать субгосударственными экстравертами.

Вместе с тем не меньшее значение для понимания поведения субнациональных акторов на международной арене имеет и чёткая классификация видов, форм и форматов их международной деятельности. К сожалению, на сегодняшний день, российские исследователи-международники далеки от консенсуса по вопросам терминологии. Зачастую одна и та же деятельность относится к самым разным категориям международной жизни, отсутствуют и общепринятые разграничения между понятиями «вид», «форма», «формат» и т.п. применительно к международной активности субъектов РФ. Это вносит определённую путаницу. Очевидно, что формирующееся сообщество исследователей-международников в области внешних связей регионов нуждается во взаимодействии по операционально-терминологическим вопросам своей тематики и создании общепотребительного «понятийного поля».

В данной статье предлагается следующая классификация вышеобозначенных ключевых понятий (термин «международная деятельность» равнозначен понятию «внешние связи», хотя в 1990-е гг. под «внешними связями» зачастую понималось и взаимодействие не только с международными партнёрами, но и с другими субъектами РФ):

- направление – сфера, в которой проявляется международная активность субъектов РФ: внешнеэкономическое, культурно-гуманитарное, научно-образовательное и т.п.;
- вид – поднаправление международных связей регионов (например, научно-образовательное направление сотрудничества может включать в себя следующие виды: академические обмены студентов и преподавателей, совместные научные проекты и т.д.);
- форма – внешний видимый способ осуществления международной деятельности: заключение соглашения, официальные и неофициальные визиты, выставки и т.д.
- формат – способ организации внешних связей:
  - по количественному параметру: двусторонний, многосторонний, с привлечением ФЦ в качестве активного участника, с привлечением муниципальных образований;
  - по качественному составу участников: официальные лица, бизнес-сообщество, представители общественности, НПО, НКО и т.п.;
  - по участию/неучастию официальных властей: парадипломатия, публичная дипломатия и др.;
  - по способу взаимодействия: лично или посредством дистанционных технологий передачи информации.

Переходя к основной части, следует указать, что Республика Коми является субъектом РФ, который одним из первых проявил себя на международной арене в качестве субгосударственного игрока, хотя с самого начала был скорее амбивертом. И это произошло ещё на излете советской эпохи. За несколько недель до формального прекращения существования СССР и руководство РСФСР, и

первые лица Коми ССР занимались налаживанием отношений с одним и тем же государством – с Венгрией. Конечно, спектр обсуждаемой проблематики различался, но имелись и точки пересечения. Следует отметить, что в годы существования СССР между Коми АССР и ВНР были контакты. Однако в основном они сосредотачивались в научной сфере (главным образом в сфере финно-угорского языкознания, так как коми и венгры имеют общее этногенетическое происхождение, а коми и венгерский языки являются родственными). Также происходили редкие визиты по партийной и комсомольской линиям.

В силу субгосударственного статуса Коми, важно отметить, что первоначально отношения России и Венгрии складывались весьма благоприятно. Ещё в последние недели существования СССР, 6 декабря 1991 г. президент РФ Б.Н. Ельцин и венгерский премьер-министр Й. Антал в Москве провели отдельные (без участия союзного руководства) переговоры и установили прямые российско-венгерские дипломатические отношения. Венгрия стала первым зарубежным государством, с которым РФ подписала межгосударственный договор (точно так же Венгрия стала первым зарубежным государством, с которым РК подписала своё первое межправительственное международное соглашение, причём произошло это в тот же день – 6 декабря 1991 г., но в Будапеште). В ноябре 1992 г. Ельцин в качестве президента РФ посетил Венгерскую Республику. Он принёс официальные извинения за советское военное вторжение в 1956 г., чтобы сформировать новый образ России в венгерском обществе. Однако хорошее начало не смогло обеспечить достойного продолжения в 1990-е гг. Об этом говорит и тот факт, что в опубликованной, пусть и избранной, переписке Б.Н. Ельцина, письма (всего их три) к первым лицам Венгерской Республики и от них занимают неполные четыре страницы (объём примерно соответствует переписке с наиболее отсталыми государствами третьего мира)⁵. Венгерские аналитики, занимающиеся международной проблематикой, также отмечали потерю интереса российской стороной к Венгрии и Центрально-Восточной Европе в целом⁶.

В тот же период, когда РСФСР как уже самостоятельный игрок на международной арене занималась выстраиванием новых отношений с бывшими союзниками Советского Союза, в результате проведённой работы, которой занимались сотрудники Комитета по внешнеэкономическим связям Коми ССР и соответствующие правительственные структуры Венгрии, было подготовлено рамочное коми-венгерское соглашение. В итоге, 6 декабря 1991 г., в Будапеште было подписано соглашение о торгово-экономическом и научно-техническом

⁵ Переписка президента РФ Б.Н. Ельцина с президентом ВР А. Гёнцом, с премьер-министром ВР В. Орбаном. № 214. А. Гёнц – Б.Н. Ельцину. 25 октября 1996 г.; № 215. Б.Н. Ельцин – А. Гёнцу. 22 января 1997 г.; № 216. В. Орбан – Б.Н. Ельцину. 11 июня 1999 г. // Переписка президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина с главами государств и правительств. 1996-1999: в 2 т. Т. 1. Австралия – Монголия. М.: Большая Российская энциклопедия, 2011. С. 196-199.

⁶ Об оценке венгерскими политологами политики России в Восточной Европе (Информация) // АВР РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 111. Д. 3. Л. 59-61.

сотрудничестве между Венгрией и Коми ССР⁷ (в 1990-1992 гг. Коми имела статус союзной республики). В качестве представителей сторон выступили министр международных экономических связей ВР Б. Кадар и председатель Совета министров Коми ССР В.И. Худяев⁸. Помимо процедуры подписания, делегация Коми ССР участвовала в ряде встреч и переговоров с различными заинтересованными властными структурами и ведомствами ВР: с депутатами венгерского парламента, представителями Министерства международных экономических отношений, Министерства иностранных дел, Министерства земледелия, Министерства промышленности и торговли, государственного имущественного комитета, а также состоялись встречи с представителями венгерских предпринимательских кругов⁹. Прежде всего, данное соглашение оформляло вопросы торгово-экономического сотрудничества Коми и Венгрии. Именно ему была посвящена большая часть текста документа¹⁰. Это было первое соглашение Республики Коми, в котором Коми ССР фактически выступила субъектом международного права. Однако не стоит преувеличивать роль фактора этнического родства во внешней торговле. Ещё до того, как Коми ССР и ВР подписали между собой межправительственное соглашение, 17 сентября 1991 г. подобное соглашение было заключено между Башкирской ССР и ВР, там же – в Будапеште¹¹. Исполнение соглашения между Коми и Венгрией продвигалось непросто в силу объективно существующих экономических трудностей с обеих сторон. Лучше всего удалось исполнить его «торговую» часть. Тем не менее, коми-венгерское экономическое сотрудничество стало значимым явлением в международной составляющей деятельности властей РК в 1990-е гг.

Центр в целом достаточно благосклонно относился к внешнеэкономическим связям субъектов РФ, особенно неприграничных. Прежде всего, на протяжении первого постсоветского десятилетия ФЦ рассчитывал, что благодаря активному участию субъектов РФ в международной жизни, регионы смогут эффективнее решать многочисленные социальные проблемы и быстрее модернизировать экономику. Можно говорить о совпадении интересов ФЦ и регионов РФ в этом вопросе.

МИД СССР как центральный внешнеполитический орган изначально занял выжидательную позицию по вопросу о международной деятельности субъектов РФ, которая стала активно разворачиваться в форме заключения согла-

⁷ Соглашение между Правительством Коми Советской Социалистической Республики и Правительством Венгерской Республики о торгово-экономических связях и научно-техническом сотрудничестве. Будапешт, 06 декабря 1991 г. // Национальный архив Республики Коми. Ф.Р-2385. Оп. 1. Д. 5. На 8 л.

⁸ A komi kapcsolat // Magyar Nemzet. 1991. December 7. 9 old.

⁹ Кармановский В. Мы нужны друг другу // Красное знамя. 1991. 25 декабря. С. 1.

¹⁰ Соглашение между Правительством Коми Советской Социалистической Республики и Правительством Венгерской Республики о торгово-экономических связях и научно-техническом сотрудничестве. Будапешт, 06 декабря 1991 г. // Национальный архив Республики Коми. Ф.Р-2385. Оп. 1. Д. 5. На 8 л.

¹¹ Соглашение между Правительством Башкирской ССР и Правительством Венгерской Республики о торгово-экономических связях. Будапешт, 17.09.1991 г. // Региональное законодательство. Башкортостан. URL: <http://ufa.regionz.ru/index.php?ds=37660> (дата обращения: 24.03.2013).

шений в 1991 г. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что первые прямые соглашения субъектов тогда ещё РСФСР с Венгрией не привлекли достаточного внимания сотрудников дипломатических и консульских учреждений СССР в Венгрии. По крайней мере, данные Архива внешней политики РФ свидетельствует именно об этом – соответствующие информационно-аналитические материалы за 1991 г. не обнаружены¹², хотя в последующие годы их немало.

Однако вскоре вследствие взаимного наложения этнонационального фактора появилась определённая напряжённость. С одной стороны, общественность и влиятельные политические круги Венгрии стали поднимать тему венгерских меньшинств за рубежом. С самого начала «смены режима», ещё летом 1989 г. на форуме демократических сил в Лакителеке вопрос о зарубежных венграх был внесён в качестве одного из ключевых пунктов в создаваемую концепцию будущего Венгрии, ведь в 1950-1980-е гг. вопрос зарубежных венгерских меньшинств замалчивался на официальном уровне и не поднимался первыми лицами ВНР [5; 14]. Правительство Й. Антала, сформированное в основном из членов партии Венгерский демократический форум, вплоть до поражения на парламентских выборах 1994 г. достаточно жёстко следовало этому курсу¹³. И это ещё раз подтверждает фундаментальность этнической проблематики для понимания Венгрии. Вопрос этнического идентитета оказал существенное влияние на внешнеполитический курс Венгрии после глобальных трансформаций на мировой арене на рубеже 80 – 90-х гг. XX в.¹⁴. С другой стороны, подъём этнических движений в СССР в 1985-1991 гг. в первой половине 1990-х гг. ещё далеко не исчерпал свой потенциал. Более того, в национальных регионах РФ важные руководящие посты в системе органов власти стали активно занимать как раз представители этноэлит. При этом в их программах этническая проблематика занимала значительное место. В результате Венгрия и финно-угорские регионы РФ стали быстро сближаться.

Между тем ситуация 1991 – 1993 гг. в России характеризовалась огромным правовым вакуумом в вопросе о будущем государственном устройстве страны. Советские нормы перестали действовать, а процесс поиска новых решений шёл трудно. Существование реального риска сецессии многих субъектов РФ вкупе с фактической слабостью ФЦ не могли не беспокоить МИД России. При этом следует отметить, что финно-угорские регионы России в силу множества причин представляли в этом плане наименьшую угрозу. Тем не менее, с целью соблюдения единой линии в таких вопросах были предприняты энергичные усилия для уменьшения «сепаратистского потенциала» «Декларации о принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Венгерской Республикой по

¹² АВП РФ. Ф. 77. Оп. 71. Папка 107. Д. 3.

¹³ К вопросу о национальном факторе в отношениях Венгрии с сопредельными странами (Информация). 16 мая 1994 г. // АВП РФ. Ф. 77. Референтура по Венгрии. Оп. 74. Папка. 112. Д. 5. Л. 20.

¹⁴ Terényi János. 1989-2009: húsz év a magyar külpolitikában // Официальный портал Правительства Венгрии. URL: http://www.mfa.gov.hu/kulkepvisolet/DE/hu/20_eves_jubileum/terenyi.htm (дата обращения: 15.12.2017).

обеспечению прав национальных или этнических, религиозных и языковых меньшинств», принятой в Будапеште 11 ноября 1992 г. во время визита Ельцина. В результате предложение венгерской стороны о повышении юридического статуса национальных групп было отклонено¹⁵.

В то же время сотрудники дипломатической службы в зарубежных учреждениях МИД России внимательно отслеживали и анализировали новые форматы межрегионального трансграничного сотрудничества, появившиеся на границах бывшего Советского Союза. Немало информационно-аналитических материалов посвящено именно этой теме¹⁶. Иначе говоря, субъекты РФ рассматривались ФЦ как один из дополнительных ресурсов в осуществлении внешнеполитического курса.

Естественно, что обмен визитами между представителями венгерской стороны и российских финно-угорских регионов также не оставались без внимания заграничных учреждений российского внешнеполитического ведомства, расположенных в Венгрии. Так, информационный материал посольства РФ в ВР, подготовленный по итогам визита в Будапешт председателя Комитета возрождения коми народа В.П. Маркова 1-7 июня 1993 г., содержит детальную информацию по высказываниям президента ВР А. Генца и председателя Государственного собрания ВР Д. Сабода о государственном-правовом статусе финно-угорских субъектов РФ¹⁷. Надо отметить, что официальные лица ВР вели себя весьма корректно и старались избежать спорных моментов в ходе своих бесед. Венгерские руководители делают акцент на необходимости развития культурного и экономического направлений сотрудничества с РК¹⁸. Следует указать на то, что официальные лица РК, в отличие от властей некоторых других регионов РФ, никогда не пытались бравировать своими международными связями перед ФЦ и не демонстрировали намеренного стремления к превышению полномочий. Приведенные факты говорят о потребности как властей РК, так и Венгрии осуществлять сотрудничество в рамках адекватного образа действий, чтобы не вызвать нареканий со стороны ФЦ.

Однако ФЦ и связанные с ним информационно-аналитические структуры по-прежнему относились к взаимодействию финно-угорских регионов РФ и Венгрии с долей недоверия. По итогам турне А. Генца в ряд российских финно-угорских регионов (Коми, Удмуртия, Мордовия, Марий Эл, Ханты-Мансийский автономный округ), а также Башкортостан и Татарстан в июне-июле 1993 г., отмечались протокольные нарушения (на фоне отсутствие опыта в международ-

¹⁵ Письмо заместителя министра иностранных дел РФ В.И. Чуркина – министру иностранных дел РФ А.В. Козыреву. 2 ноября 1992 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 72. Папка 108. Д. 4. Л. 5-6.

¹⁶ К вопросу о создании регионального сообщества «Тисса-Карпаты» (Информация). 31 января 1992 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 72. Папка 108. Д. 4. Л. 85; Об организации «Еврорегион Карпаты» (Информация) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 112. Д. 5. Л. 78-80; Об организации регионального сотрудничества «Еврорегион - Карпаты» (Информация) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 112. Д. 5. Л. 12-16.

¹⁷ Венгерские руководители о контактах с финно-угорскими республиками России (Информация). 11.06.1993 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 73. Папка 109. Д. 3. Л. 86-87.

¹⁸ Там же.

ных делах у субъектов РФ вполне объяснимое явление), а также стремление венгерской стороны дистанцироваться от центра путём подписания с субъектами РФ соглашений, в которых содержатся положения, относящиеся к совместному ведению ФЦ и регионов [13]. Посол РФ в Венгрии И.П. Абоимов, сопровождавший Генца, буквально в последний момент предотвратил подписание договора об основах отношений между Коми и Венгрией¹⁹. Во-первых, само наименование договора выходило за пределы предметов ведения Республики Коми как субъекта РФ. Во-вторых, текст не был согласован с МИД России. Председатель Верховного Совета Ю.А. Спиридонов и Генц были растеряны²⁰. Очевидно, что подготовка данного соглашения не носила злонамеренный характер. Тем не менее, напряжение в Центральном аппарате внешнеполитического ведомства продолжало нарастать. В конце концов, президента Венгрии посреди турне внепланово пригласили в МИД России в Москве, где заместитель министра В.И. Чуркин в жёсткой форме потребовал объяснений о «подстрекательских высказываниях», а также сообщил о подготовленном разгромном сообщении для прессы. Последствия могли быть весьма тяжёлыми как для российско-венгерских отношений на межгосударственном уровне, так и на уровне субъектов РФ. Однако неожиданно Ельцин принял Генца очень тепло²¹. В итоге конфликт был исчерпан, и широкая публика так ничего и не узнала.

Между тем, в венгерской прессе поездка президента ВР по субъектам РФ хотя и получила освещение²², но нельзя сказать, что находилась в центре внимания. И сами материалы носили, в основном, информационный характер и выходили в жанре коротких новостных сообщений²³. Позиционирование связей Венгрии с российскими финно-уграми в венгерской прессе не шло во внешнеполитическом ключе как таковом. Скорее такие контакты подавались как внешнее измерение этнических связей: «ближняя родня» (венгерские меньшинства в сопредельных государствах) и «дальняя родня» (Финляндия, Эстония, российские финно-угорские народы). В то же время подписание Соглашения в области культуры и образования между соответствующими ведомствами РК и ВР²⁴ в ходе визита А. Генца в Сыктывкар не вызвало возражений у ФЦ.

По мере постепенного создания нормативно-правовой базы по внешним связям российских регионов в середине 1990-х гг. наметилась тенденция к установлению партнёрских отношений между центром и РК. Помимо соблюдения

¹⁹ Калашникова М. «Руководство рассматривало ГДР как отрезанный ломоть» [интервью с бывшим заместителем министра иностранных дел СССР, послом РФ в Венгрии в 1990 – 1996 гг. И.П. Абоимовым] // Коммерсант-Власть. 2005. 18 апреля. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/570876> (дата обращения: 12.08.2016).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² A Komi Köztársaság és a finnugor népek mozgalma // Magyar Hirlap. 1993. június 24. 1, 3 old.

²³ Göncz Árpád a Komi Köztársaságban // Magyar Hirlap. 1993. június 23. 3 old.; Göncz Árpád a Komi Köztársaságban // Nemzet. 1993. június 23. 3 old.

²⁴ Соглашение между Министерством культуры, Министерством образования Республики Коми и Министерством культуры и образования Венгерской Республики о сотрудничестве в области культуры и образования. Сыктывкар, 23 июня 1993 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Коми. – 1993. - № 3. Июнь. С. 40-43.

правовых процедур это было связано ещё и с недостатком соответствующего опыта в международных делах у органов власти РК, то есть речь о нехватке информационных и организационных ресурсов. В своём обращении в МИД России в феврале 1994 председатель Верховного Совета РК Ю.А. Спиридонов отмечает этот фактор²⁵. Помимо непосредственно участия сотрудников дипломатической службы, республиканским властям были необходимы информационно-аналитические и справочные материалы. Подразделения российского МИД удовлетворили просьбу региональных властей²⁶. Можно предположить, что к середине 1990-х гг. в ФЦ, в целом, и в МИД, в частности, появилась определённая дифференциация подходов относительно международной активности субъектов РФ. Стало ясно, какие регионы используют внешние связи в негативном ключе, а какие стремятся действовать в рамках правил. В соответствии с этим и избиралась стратегия поведения центрального внешнеполитического ведомства России.

В то же время Венгрия проявляла высокую активность по налаживанию экономического сотрудничества не только с финно-угорскими республиками РФ. В первой половине 1990-х гг. можно выделить три группы российских регионов в зависимости от доминирующих направлений и видов сотрудничества с Венгрией:

- финно-угорские автономии – культура, наука и образование, экономика (с/х, машиностроение);
- области центра, юга, Поволжья и Приуралья – экономика (с/х)²⁷;
- Башкортостан и Татарстан – экономика (машиностроение) [13].

Помимо этого, к середине 1990-х гг. развернулись и процессы по налаживанию «горизонтальных» связей между областями Венгрии и субъектами РФ²⁸. Однако прогресс осложнялся, помимо прочего, запутанностью системы венгерских органов государственной власти и органов местного самоуправления, созданной после «смены режима». Например, областные органы власти относились к муниципальному уровню (поэтому не вполне корректно именовать сотрудничество субъектов РФ с областями Венгрии в 1990-е гг. «межрегиональным»)²⁹. Кроме того, во всех областях располагалась густая сеть центральных/государственных органов власти. В результате был сформирован огромный бюрократический, но неэффективный аппарат³⁰. И Генеральное консульство РФ в Дебрецене прямо указывало на негативные последствия такого состояния дел

²⁵ Председатель Верховного Совета РК Ю.А. Спиридонов – заместителю министра иностранных дел РФ С.Б. Крылову. 09 февраля 1994 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 111. Д. 3 Л. 18.

²⁶ Председатель Верховного Совета РК Ю.А. Спиридонов – заместителю министра иностранных дел РФ С.Б. Крылову. 15 апреля 1994 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 111. Д. 3. Л. 44.

²⁷ О развитии связей субъектов Российской Федерации с Венгрией в 1995 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 76. Папка 114. Д. 5. Л. 4-5; 1.О сотрудничестве с Венгрией по линии АПК (Справка) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 111. Д. 3. Л. 110.

²⁸ Об опыте связей между областями Восточной Венгрии и России (Информация) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 111. Д. 3. Л. 184-185.

²⁹ О системе органов местного самоуправления в Венгрии // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 72. Папка 108. Д. 4. Л. 48-50.

³⁰ Дискуссии о схемах органов местного самоуправления // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 75. Папка 113. Д. 5. Л. 63.

для развития связей субъектами РФ³¹. Тем не менее, к 1996 г. десять из девятнадцати венгерских областей имели связи с сорока тремя из восьмидесяти девяти субъектов РФ³².

Эволюция позиции Венгрии по связям с российскими регионами к середине 1990-х гг. также в немалой степени повлияла на установление партнёрского принципа взаимодействия между ФЦ и РК в вопросе международного сотрудничества, в том числе и с Венгрией. По мнению дипломатов посольства РФ в Венгрии, к этому времени со стороны Будапешта наметилось явное изменение стратегии. Если в начале 1990-х гг. Будапешт делал ставку на обособленные от ФЦ отношения с крупными субъектами РФ (Татарстан, Башкортостан, Коми), то теперь ранг взаимодействия с ними приблизился к сотрудничеству с другими регионами РФ³³. К тому же, по их мнению, акценты были смещены от политики в сторону экономики и культуры³⁴. Изменение стратегии было обусловлено не слишком успешными результатами экономического взаимодействия – трансформация экономик России и Венгрии шли весьма не просто, хотя ВР и выглядела по ряду показателей более благополучно по сравнению с другими государствами бывшего соцлагеря. Между тем, ФЦ был заинтересован в улучшении российско-венгерского торгово-экономического сотрудничества за счёт субъектов РФ³⁵.

Изменение позиции ФЦ, представленного в данном случае МИД России, на более благосклонную относительно коми-венгерских международных связей проявляется и ещё в ряде моментов. Так, при анализе проблем экономического сотрудничества российских регионов с Венгрией отмечается, что среди субъективных сложностей немалую роль играет позиция управленческих структур регионов РФ. По мнению венгерских бизнесменов, в ряде случаев чиновники блокируют исполнение принятых соглашений и достигнутых договорённостей, если не видят в их реализации личной выгоды³⁶. Кроме того, венгры отмечают и нежелание российских партнёров из числа региональных органов власти субъектов РФ выстраивать долгосрочные, стратегические отношения (упор на разовые простые проекты, нежелание совместно прорабатывать долговременные инициативы)³⁷. В определённой мере такая оценка МИД РФ характерна и непосредственно для РК.

Для преодоления имеющихся препятствий в экономическом сотрудничестве российских регионов с ВР МИД России разработал ряд рекомендаций, некоторые из которых были воплощены в жизнь и дали определённый эффект:

---

³¹ Там же.

³² О развитии связей субъектов Российской Федерации с Венгрией в 1995 г. // АВРП РФ. Ф. 77. Оп. 76. Папка 114. Д. 5. Л. 4-5.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

- с целью координации действий властей федерального и регионального уровня создать Экономический совет при посольстве РФ в Венгрии;
- предпринять усилия по налаживанию более тесного сотрудничества с Минсельхозом РФ и другими заинтересованными ведомствами;
- усилить роль Торгово-промышленной палаты РФ;
- разработать долгосрочные программы сотрудничества;
- издавать информационные вестники с целью наведения мостов между российским и венгерским бизнес-сообществами³⁸ [26].

С установлением партнёрских отношений ФЦ стал гораздо спокойнее относиться и к такому новому формату международного этнического взаимодействия как Всемирные конгрессы финно-угорских народов. Первый конгресс состоялся в 1992 г. в Сыктывкаре, а второй прошёл в 1996 г. в Будапеште. Понятно, что к делегациям Коми (возглавил глава РК Ю.А. Спиридонов) и Венгрии было приковано особое внимание. Дипломаты посольства России в ВР отметили деполитизацию венгерской позиции по финно-угорскому движению³⁹. Кроме того, ФЦ указал на необходимость поддержки финно-угорского движения, так как это способствует улучшения отношений РФ с Венгрией, Финляндией и Эстонией⁴⁰. Как видно, политическая составляющая имплицитно присутствует в международных связях субнациональных акторов и может с выгодой применяться и на межгосударственном уровне.

ФЦ выражал обеспокоенность не только в связи с неудовлетворительными результатами экономического сотрудничества между Венгрией вместе с её областями и субъектами РФ, но и в связи со сходными проблемами в сфере научно-образовательного сотрудничества. Очевидно, надеясь с помощью финно-угорских регионов восполнить потери, возникшие после распада СССР, центр стремился содействовать академическим обменам как среди студентов, так и среди преподавателей. Особенно если учесть, что Венгрия обладала весьма значительным научно-образовательным потенциалом, а венгерские вузы очень быстро интегрировали западные образовательные стандарты и сумели занять достойную нишу на международном образовательном рынке. Однако в силу проблем с финансами этого сделать не удалось⁴¹. Общей тенденцией стало то, что обучавшиеся в Венгрии по президентским стипендиям А. Гёнца российские финно-угры не возвращались на родину, а оставались на постоянное место жительства в Венгрии. Впрочем, это было общей тенденцией для всех российских студентов, учившихся в вузах в Венгрии, в 1990-е гг.⁴². Это относится и к коми

³⁸ О развитии связей субъектов РФ с Венгрией в 1996 г. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 77. Папка 116. Д. 4. Л. 9.

³⁹ Об участии Венгрии в финно-угорском сотрудничестве (Информация) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 76. Папка 115. Д. 9. Л. 41.

⁴⁰ О Втором Всемирном конгрессе финно-угорских народов (Информация) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 76. Папка 115. Д. 9. Л. 56.

⁴¹ О сотрудничестве между субъектами РФ и Венгрией в области образования (Информация) // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 77. Папка 117. Д. 8. Л. 221.

⁴² О подготовке в Венгрии российских стипендиатов // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 77. Папка 117. Д. 8. Л. 265.

студентам. В свою очередь, это порождало естественные вопросы у венгерской стороны и выглядело как нецелевое расходование средств.

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. в России сформировалась достаточно благоприятная модель федеративных отношений для развития международных связей субъектов РФ, хотя в целом ощущалась её незрелость. Существовали серьёзные противоречия между Центром и регионами по многим вопросам внутренней жизни, что нашло своё отражение в известной фразе о России как стране, балансирующей между авторитаризмом и демократией. Несмотря на это, в международной сфере у центра и целого ряда субъектов РФ намечился устойчивый позитивный вектор, формировалось общее видение ситуации, что косвенным образом смягчало остроту внутривнутриполитических разногласий. Такое положение свидетельствует против упрощённого подхода, согласно которому в условиях ослабления центра любые международные связи и контакты субнациональных акторов, особенно асимметричные, несут угрозу целостности государства. Можно сказать, что асимметричные субгосударственные связи способны сыграть позитивную роль в демократическом транзите. В то же время российско-венгерские отношения находились на полупериферии интересов Москвы и Будапешта. Между тем, Республика Коми, как и многие другие субъекты РФ, стремилась перейти из статуса региона-амбиверта в число регионов-экстравертов через активное участие в международном финно-угорском движении в целом и развитие связей с Венгрией в частности. ФЦ сыграл весьма значимую роль в становлении РК в качестве международного актора. Изначально осторожная позиция ФЦ эволюционировала в сторону установления партнёрских отношений с РК в сфере международной деятельности, во многом благодаря прагматичной позиции, занятой и Венгрией, и РК. Важно отметить, что нестабильная мирополитическая обстановка в текущий период в то же время создаёт необходимые предпосылки для перезапуска партнёрских отношений между ФЦ и субъектами РФ с целью решения сложных задач, особенно в плане модернизации экономики и повышения уровня социально-экономического развития российских регионов, в том числе через активную международную деятельность российских субгосударственных акторов.

Список литературы

1. Александров О.Б. Регионы во внешней политике России. Роль Северо-Запада. М.: МГИМО(У) МИД России, 2005. 187 с.
2. Барабанов О.Н. Внутригосударственные регионы как акторы в международных отношениях: зарубежные тенденции и положение субъектов РФ // Общество, политика, наука: новые перспективы. М.: МОНФ, 2000. № 114. С. 477-501.
3. Бусыгина И., Лебедева Е. Субъекты федерации в международном сотрудничестве // Аналитические записки. Выпуск 3 (32). Апрель 2008 / Центр региональных политических исследований Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России, М.: МГИМО-Университет, 2008. 28 с.
4. Иванов И.С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политике страны. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 192-198.

5. Ижак Л. Политическая история Венгрии. 1944-1990. М.: ИРИ РАН, 2006. С. 246-247.
6. Лебедева М.М. Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2007. 365 с.
7. Лихачев В.Н. Россия и Европейский союз в международной системе (дипломатия, политика, право) 1998-2004 гг. Казань: Центр инновационных технологий, 2004. С. 53-66.
8. Макарычев А.С. Российские регионы как международные акторы: Аналитический доклад. Нижний Новгород, 2000. 114 с.
9. Макарычев А.С. Федерализм эпохи глобализма: вызовы для региональной России // Полис. 2000. № 5. С. 81-97.
10. Маркушина Н.Ю., Харлампьева Н.К. Северо-Западный федеральный округ: внешние связи. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 260 с.
11. Международные отношения в XXI веке. Глобальное в региональном, региональное в глобальном / под ред. А.С. Макарычева. Нижний Новгород: НГЛУ, 2000. 183 с.
12. Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М.: Восток-Запад, 2009. 384 с.
13. Монич Ю.И., Волотов О.Г. Российско-венгерские отношения: проблемы и перспективы / Институт международных экономических и политических исследований РАН. Проект «Россия и Восточная Европа». М., 1994. // АВП РФ. Ф. 77. Оп. 74. Папка 111. Д. 3. Л. 27.
14. Петраш Э., Шпанненбергер Н. Непрерывность венгерского национализма под знаком системной трансформации // Национализм в позднее- и посткоммунистической Европе : В 3 т. / под общ. ред. Э. Яна. Т. 2. Национализм в национальных государствах. М.: РОССПЭН, 2010. С. 435.
15. Плотникова О.В. Теория, система и практика международных связей регионов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 262 с.
16. Толстых В.Л. Международная деятельность субъектов Российской Федерации. М.: Международные отношения, 2004. 176 с.
17. Федерализм // Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон. М.: Московская школа политических исследований, 2006. С. 227-228.
18. Яровой Г.О., Белокурова Е.В. Европейский Союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС. СПб.: Нормма, 2012. 368 с.
19. Bolleyer N. Federal Dynamics in Canada, the United States, and Switzerland: How Substates' Internal Organization Affects Intergovernmental Relations // Publius: The Journal of Federalism. 2006. Vol. 36. No. 4, Pp. 471-502.
20. Cantori L.J., Spiegel S.L. The International Relations of Regions // Polity. 1970. No. 4. Pp. 397-425.
21. Farrell H., Newman A.L. Domestic Institutions Beyond the Nation-State: Charting the New Interdependence Approach // World Politics. 2014. No. 2. Pp. 331-363.
22. Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. 1996. No. 44. Pp. 936-957.
23. Kukucha C.J. An Independent Foreign Policy for Canadian Provinces? International Trade and Sub-Federal Autonomy // An Independent Foreign Policy for Canada? Challenges and Choices for the Future. Toronto: University of Toronto Press. Pp. 163-182.
24. Michelmann H.J. Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units // Canadian Journal of Political Science. 1991. No. 4. Pp. 865-866.
25. Pierson P. When Effect Becomes Cause: Policy Feedback and Political Change // World Politics. 1993. No. 45. Pp. 595-628.
26. Reynolds P.A. Non-state Actors and International Outcomes // British Journal of International Studies. 1979. No. 2. Pp. 91-111.
27. Shu-Yun M.A. Political Science at the Edge of Chaos? The Paradigmatic Implications of Historical Institutionalism // International Political Science Review. 2007. No. 28 (1). Pp. 57-78.
28. Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics // Annual Review of Political Science. 1999. No. 2. Pp. 369-404.
29. Tierney S. Reframing Sovereignty? Sub-State National Societies and Contemporary Challenges to the Nation-State // The International and Comparative Law Quarterly. 2005. No. 1. Pp. 161-183.

Об авторе:

Сергей Павлович Артеев – выпускник исторического факультета Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Россия, 167001, Сыктывкар, пр.Октябрьский, д. 55.
E-mail: artsp7@yandex.ru.

SUB-STATE ACTORS IN INTERNATIONAN RELATIONS AND THE EVOLUTION OF FEDERALISM (COOPERATION BETWEEN THE KOMI REPUBLIC AND HUNGARY IN THE FIRST HALF OF THE 1990s.)

Sergey P. Arteev

DOI 10.24833/2071-8160-2018-2-59-145-164

Piritim Sorokin Syktyvkar State University

The paper is devoted to the problem of asymmetrical international interaction of sub-state actors. It touches upon the erosion of Westphalian sovereignty at present time. This problem is under discussion in conjunction with the evolution of federalism. Author attempts to clarify the relation of international activity of world politics sub-state actors and type of interaction between central and regional levels of government. For this purpose the article presents the analysis of the cooperation between the Republic of Komi (part of Russian Federation) and the Republic of Hungary in the first half of the 1990s. In addition author focuses on the role of international relations of sub-state actors in the democratic transition. The main method of the investigation is historical institutionalism. This research method provides a necessary result. The investigation based on data from the Foreign policy archive of the Russian Federation and publications in Hungarian and Russian newspapers. There are foreign and Russian research papers on the question. Scientists from different fields develop this issue. For carrying out the purpose of investigation offer typology of Russian regions regarding to their external relations, indicate the possible definitions of the key terminology of international activities of Russian regions and is a brief overview of the establishment of Russian-Hungarian relations on a new base in the late Soviet and early post-Soviet periods. It should be noted that the model of interaction between the Komi Republic and Hungary is typical of many of the basic parameters for international activities of Russian regions in the chronological framework. In conclusion the paper reads that to the medium of the 1990s came a partnership type of relationship between Centre and Komi concerning Komi-Hungarian cooperation. This fact proves the possibility of the positive role of asymmetric international relations of sub-state actors, including the period of democratic transition.

Key words: international relations of the state regions, Russia, Hungary, Komi Republic, federalism, the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, historical institutionalism

References

1. Alexandrov O. B. *Regiony vo vneshnej politike Rossii. Rol' Severo-Zapada* [Regions in Russia's foreign policy. The Role Of The North-West]. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (Universitet) Publ., 2005. 187 p. (In Russian).
2. Barabanov O.N. *Vnutrigosudarstvennye regiony kak aktory v mezhdunarodnykh otnosheniakh: zarubezhnye tendentsii i polozhenie sub'ektov Rossiiskoi Federatsii. Obshchestvo, politika, nauka: novye per-*

- spektivy* [Domestic regions as actors in international relations: foreign trends and the situation of subjects of the Russian Federation. Society, politics, science: new perspectives]. Moscow, Moskovskii Obshchestvennyi nauchnyi fond Publ. 2000. no. 114. pp. 477-501 (In Russian).
3. Busygina I., Lebedeva E. Sub'ekty federatsii v mezhdunarodnom sotrudnichestve [The subjects of the Federation in international cooperation]. *Analiticheskie zapiski*, 2008, iss. 3 (32). Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi institut mezhdunarodnykh otnoshenii (Universitet) Publ., 2008. 28 p. (In Russian).
  4. Ivanov I.S. *Novaia rossiiskaia diplomatiia. Desiat' let vneshnei politike strany* [The New Russian diplomacy. Ten years of foreign policy]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. Pp. 192-198. (In Russian).
  5. Izhak L. *Politicheskaia istoriia Vengrii. 1944-1990* [The political history of Hungary. 1944-1990]. Moscow, The Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences Publ., 2006. Pp. 246-247. (In Russian).
  6. Lebedeva M.M. *Mirovaia politika* [World politics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2007. 365 p. (In Russian).
  7. Likhachev V.N. *Rossiia i Evropeiskii soiuz v mezhdunarodnoi sisteme (diplomatiia, politika, pravo) 1998-2004 gg.* [Russia and the European Union in the international system (diplomacy, politics, law), 1998-2004] Kazan', Tsentri innovatsionnykh tekhnologii Publ., 2004. Pp. 53-66. (In Russian).
  8. Makarychev A.S. *Rossiiskie regiony kak mezhdunarodnye aktory* [The Russian regions as international actors]. Nizhnii Novgorod, 2000. 114 p. (In Russian).
  9. Makarychev A.S. *Federalizm epokhi globalizma: vyzovy dlia regional'noi Rossii* [The Federalism of the epoch of globalism: the challenges for regional Russia]. *Polis*, 2000, no.5, pp. 81-97 (In Russian).
  10. Markushina N. Y., Kharlampieva N. T. *Regiony vo vneshnej politike Rossii. Rol' Severo-Zapada* [The North-West Federal Okrug: external relations]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Press Publ., 2008. 260 p. (In Russian).
  11. *Mezhdunarodnye otnosheniia v XXI veke. Global'noe v regional'nom, regional'noe v global'nom* [International relations in the XXI century. Global to regional, regional to global] / Ed. by A.S. Makarycheva. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet Publ., 2000. 183 p. (In Russian).
  12. Moiseev A.A. *Suverenitet gosudarstva v mezhdunarodnom prave* [State sovereignty in international law]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2009. 384 p. (In Russian).
  13. Monich Iu.I., Volotov O.G. *Rossiisko-vengerskie otnosheniia: problemy i perspektivy* [Russian-Hungarian relations: problems and prospects] / Institut mezhdunarodnykh ekonomicheskikh i politicheskikh issledovaniy Rossiiskoi Akademii nauk. Proekt «Rossiia i Vostochnaia Evropa». Moscow, 1994. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii* [The Foreign policy archive of the Russian Federation]. Collection 77. Inventory 74. Folder 111. Case 3. Sheet 27. (In Russian).
  14. Petrash E., Shpannenberger N. *Nepreryvnost' vengerskogo natsionalizma pod znakom sistemnoi transformatsii* [The continuity of Hungarian nationalism under the sign of transformation]. *Natsionalizm v pozdnee- i postkommunisticheskoi Evrope* [Nationalism in late and post-Communist Europe. In 3 volumes]. Ed. by E. Ian. Vol. 2. *Natsionalizm v natsional'nykh gosudarstvakh* [Nationalism in national states]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. P. 435.
  15. Plotnikova O. V. *Teoriia, sistema i praktika mezhdunarodnykh svyazei regionov* [Theory, system and practice of international relations of the regions]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 262 p. (In Russian).
  16. Tolstykh V. L. *Mezhdunarodnaia deiatel'nost' sub'ektov Rossiiskoi Federatsii* [International activity of subjects of the Russian Federation]. Moscow, International relations Publ., 2004. 176 p. (In Russian).
  17. *Federalizm* [Federalism]. Busygina I., Zakharov A. *Sum ergo cogito. Politicheskii mini-leksikon* [Political mini-lexicon]. Moscow, Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2006. P. 227-228. (In Russian).

18. Iarovoi G.O., Belokurova E.V. *Evropeiskii Soiuz dlia regionov: chto možno i nužno znat' rossiiskim regionam o ES* [The European Union for regions: what can and should know the Russian regions of the EU.]. Saint-Petersburg, Norma Publ., 2012. 368 p. (In Russian).
19. Bolleyer N. Federal Dynamics in Canada, the United States, and Switzerland: How Substates' Internal Organization Affects Intergovernmental Relations. *Publius: The Journal of Federalism*, 2006, vol. 36, no. 4, pp. 471–502.
20. Cantori L.J., Spiegel S.L. The International Relations of Regions. *Polity*, 1970, no. 4, pp. 397-425.
21. Farrell H., Newman A.L. Domestic Institutions Beyond the Nation-State: Charting the New Interdependence Approach. *World Politics*, 2014, no. 2, pp. 331-363.
22. Hall P., Taylor R. Political Science and the Three New Institutionalisms. *Political Studies*, 1996, no. 44, pp. 936-957.
23. Kukucha C.J. An Independent Foreign Policy for Canadian Provinces? International Trade and Sub-Federal Autonomy. *An Independent Foreign Policy for Canada? Challenges and Choices for the Future*. Toronto, University of Toronto Press Publ., 2009. Pp. 163-182.
24. Michelmann H.J. Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units. *Canadian Journal of Political Science*, 1991, no. 4, pp. 865-866.
25. Pierson P. When Effect Becomes Cause: Policy Feedback and Political Change. *World Politics*, 1993, no. 45, pp. 595–628.
26. Reynolds P.A. Non-state Actors and International Outcomes. *British Journal of International Studies*, 1979, no. 2, pp. 91-111.
27. Shu-Yun M.A. Political Science at the Edge of Chaos? The Paradigmatic Implications of Historical Institutionalism. *International Political Science Review*, 2007, no. 28 (1), pp. 57-78.
28. Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics. *Annual Review of Political Science*, 1999, no. 2, pp. 369-404.
29. Tierney S. Reframing Sovereignty? Sub-State National Societies and Contemporary Challenges to the Nation-State. *The International and Comparative Law Quarterly*, 2005, no. 1, pp. 161-183.

About the author:

Sergey P. Arteev – Alumnus of History Department, Piritim Sorokin Syktyvkar State University. Russia, 167001, Syktyvkar, avenue Oktyabrsky, 55. E-mail: artsp7@yandex.ru.